

«ОБИТЕЛЬ» КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ В ОДНОИМЁННОМ РОМАНЕ З. ПРИЛЕПИНА

*Павлов С.Г.
кандидат филологических наук,
доцент, НГПУ им. К. Минина*

В статье описывается художественный концепт «обитель», рассмотренный в его антропологическом содержании. Выделяются два антропологических аспекта концепта «обитель»: обитель как технология производства нового человека и обитель как человеческое сердце. Основным выводом сводится к следующему: экзистенциальное самоопределение происходит не по условиям внешней среды, а по внутреннему настрою человека, определяемому его отношением к Богу.

Ключевые слова: художественный образ, художественный концепт, интерпретация, интертекстуальные связи.

Творчество З. Прилепина привлекает внимание читателя своей рельефной художественной фактурой, интригующим сюжетом, психологической динамикой и прочими атрибутами «хорошего» текста. Учёному приходится эту целостность препарировать, и при удачно проведенной операции художественная палитра начинает играть новыми красками обогащённого профессиональным прикосновением смысла. При этом всегда существует риск невольно навязать тексту чуждое ему прочтение. Имманентный анализ литературного произведения вполне самостоятелен как процедура извлечения из него имплицитных смыслов, однако в некоторых случаях только обращение к социокультурному и биографическому контексту позволяет раскрыть авторский замысел. Представляется, что исходным пунктом анализа концепта «обитель» может быть только признание религиозной позиции автора, не спешащего её афишировать, но и не особо её скрывающего.

Название произведения, в качестве семантически сильной позиции текста, в немалой степени предопределяет его интерпретацию. В известном смысле оно становится эквивалентом отсутствующего эпиграфа или даже концептуальной аббревиатурой всего текста, в предельно сжатом виде концентрирующей его идею. Название романа З. Прилепина

несколько конфликтует с его реалиями. Обитель выглядит лишь внешними декорациями совсем не церковных событий. И всё-таки сквозь ужасающий быт Соловецкого лагеря проступают черты церковно-монастырской жизни.

Прежде чем перейти к анализу, представим важное методологическое различие между художественным образом и художественным концептом. Образ принадлежит конкретному тексту и не требует обращения к социокультурному фону. Художественный концепт носит экстратекстуальный характер: «Литературный концепт – такой образ, символ или мотив, который имеет «выход» на геополитические, исторические, этнопсихологические моменты, лежащие вне художественного произведения» [1:14]. В качестве единицы тезауруса культуры художественный концепт порождает ассоциации, аллюзии и реминисценции, характерные для определённой референтной группы (литературного направления, социальной страты, религиозной традиции). Таким образом, для раскрытия содержания художественного концепта решающее значение приобретают интертекстуальные связи.

В романе З. Прилепина лексема *обитель* очевидным образом контаминирует два аксиологически противопоставленных концепта – «монастырь» и «концлагерь». Менее явно сквозь художественную ткань произведения проступает символ «обитель-Россия»: после октябрьской революции вся страна стала площадкой невиданного по масштабу и жестокости эксперимента, призванного создать нового человека. В реконструкционный период СССР для обозначения процесса этой трансформации использовались отражённые в романе металлургические метафоры *перековка* и *переплавка* (323)¹. Характерно, что в большевистской языковой картине мира человек представлен как кусок железа. Такой образ человека органично вписывался в дух эпохи железной диктатуры пролетариата и реалии индустриализующейся страны.

На наш взгляд, именно духовная антропология находится в фокусе внимания З. Прилепина. Через экзистенциальный выбор главного героя Артёма Горяинова проходит основная, хотя и не слишком заметная интрига романа. Мы выделяем два антропологических компонента художественного концепта «обитель»: 1) обитель – технология производства нового человека; 2) обитель – человеческое сердце. В данной оппозиции противопоставлены два антропологических проекта – коммунистический и христианский.

Обитель как технология создания нового человека

Своими творцами обитель мыслится местом осуществления комплекса евгенических процедур, главной из которых является труд. Над воротами лагеря висит плакат с радикальным лозунгом, в планетарном масштабе утверждающим новую социальную иерархию: *«Мы новый путь земле укажем. Владыкой мира будет труд!»* (46). В лозунге выражена и новая онтология. Традиционное место Бога в бытии и сознании занимает олицетворённая абстракция – Труд, носителем которой будет главный продукт революции. В трудовых соловецких буднях призван родиться принципиально новый исторический тип – советский человек. Сомневаться в этом нельзя: «обитель» беспощадна к нарушителям технологии. Материал обязан подчиняться решениям социальных инженеров, ибо они правы. У правоверного соловецкого узника есть выбор между молчанием и попаданием в большевистский унисон. Артём становится эхом начальника лагеря Эйхманиса. На его внезапный лобовой вопрос Артём животным чутьём устраивающего свою жизнь лагерника угадывает: *Здесь создают фабрику людей. <...> Вы создаёте нового человека* (267). Эйхманис подтверждает: *Это не лагерь, это лаборатория* (268).

Сотрудница информационно-следственного отдела Галина разговаривает с Артёмом *чужими для неё словами: Вы можете ... встать на путь перековки и выйти... нормальным, хорошим, правильным*

советским человеком (178). *Чужие слова* – это большевистский новояз со специфичной семантикой и метафорикой. Один из оппонентов коммунистической идеологии, вдохновитель «афинских вечеров» – застолий, собиравших лагерную элиту (интеллигенцию, дворянство, офицеров, священство) – Мезерницкий подхватывает пропагандистскую метафору перековки, разворачивая её в образ: *Мужик, естественно не хочет, чтобы из него ковали. Его... секли без малого тысячу лет, а теперь решили розгу заменить на молот...* (320). По Мезерницкому, логика коммунистического проекта обязывает пропустить через Соловки как можно больше людей: *Большевики ждут, что мужик и так их поймёт. Если не поймёт, его сюда привезут доучивать. Но в любом случае, Тёма, ковать привычней в кузнице* (321). Советский идеологический штамп *кузница кадров* из интеллектуально-производственной сферы переносится на заключённых. «Обитель» – это кузница кадров для советского государства². При этом с необходимостью должна быть уничтожена «обитель» в самом человеке.

Обитель – человеческое сердце

В названии романа слышится евангельская реминисценция: «...Кто любит Меня, тот соблюдёт слово Моё; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придём к нему и обитель у него сотворим» (Ин. 14:23). Евангельские слова становятся незримым, но осязаемым фоном всего повествования. Владычка Иоанн говорит Артёму: *тело есть сосуд, куда помещён дух Божий* (519). Это скрытая цитата из апостола Павла: «Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живёт в вас?» (1 Кор. 3:16). При таком ракурсе не человек живёт в обители, а обитель создается в человеке. Если этого не происходит, то и внешняя обитель, сам монастырь, остаётся для человека лишь каменными стенами тюрьмы.

Интересно, что христианское сознание тоже может видеть в обители средство формирования личности. Для носителей подлинно христианского духа, для тех, у кого обитель в сердце, Соловки остаются монастырём, где

скорби и искушения представлены в концентрированном, а потому наиболее действенном виде. Владычка признаётся: *Я сам воспринял Соловки как суровую школу добродетелей – терпения, трудолюбия, воздержания* (520). Подспудно возникает полемика с одним из фундаментальных положений марксистско-ленинского учения. Бытие не определяет сознание. Вернее, не фатально его детерминирует. Цели и мотивацию человека определяет его мировоззрение.

Перед Артёмом, как и перед любым лагерником, встаёт выбор. Вера в советскую власть и обитель как средство осуществления её стремлений. Или вера в Бога и созидание обители у себя в сердце. Артём, отказавшись от Бога, становится заложником обаяния Эйхманиса и своей плоти, сберечь которую в лагере можно только приняв его сторону.

«Обитель» Артёма Горяинова

До лагеря Артём в Бога не верил и церковь не посещал (43). В обители у него появляются религиозные вопросы (*Господи, ты есть?* (535)) и верующие знакомые. Артём рассказывал Василию Петровичу про лагерника-священника, который не ходил в алтарь, где устроили отхожее место. На вопрос собеседника, что он об этом думает, Артём неожиданно отвечает: *Я думаю: дурак* (68). Он знал за собой неприятную черту характера – *вдруг ткнуть в открытое: И никак об этом не печалился* (69). Это симптом и начало его падения.

Постепенно нравственно симпатичный молодой человек, которым предстаёт Артём на первых страницах романа, теряет свои привлекательные черты. Не сразу и не до конца, но заметным образом. На вопрос перечислившего бывшие достоинства Артёма Василия Петровича *И что теперь?* тот отвечает: *Ничего*. Ответ искусственно и лукаво двусмыслен: 1) ничего [особенного не случилось]; 2) ничего [хорошего во мне не осталось]. Двусмысленный ответ тут же получает и двусмысленную интерпретацию, тонко намекающую на второе понимание. Сразу после

разговора Артёма вырвало: *Чайки гурьбой слетелись клевать то, что осталось после Артёма* (325). Артём становится ничем, рвотной лужей.

Его страдающая плоть постоянно заставляет помнить о ней: *думай обо мне: я больше, чем твоя женщина, я больше, чем твоя мать, я больше, чем твой ребёнок, я больше, чем ты* (533). Градация заканчивается словами, которые свидетельствуют об антропологическом дезертирстве героя. По православному учению, плоть подчинена духу и душе. Бунт плоти заканчивается иерархическим переворотом – тело становится господином души, а дух поражается демоническим воздействием. Артём продаёт человеческое первородство за «чечевичную похлёбку» и постепенно превращается в животное. *Я живой. Я такой живой. Я не хочу быть богочеловек. Я хочу быть живая сирота. Без креста и без хвоста...* (328). Это его ответ на слова владычки: *...Ты вне церкви. Ты сирота... Верующий во Христа и живущий во Христе – богочеловек. А ты просто человек, тебе трудно* (317).

Отказавшись от богочеловечества, Артём стремительно деградирует. Размышляя о душе и аде, он приходит к выводу: *Картошка с треской весит больше, чем совесть, а клопы наглядней ада* (430). На Секирке Артём теряет естественные человеческие чувства. Он видит, что владычка отдал свою пайку беспризорнику: *Всё это было Артёму неприятно и чуждо. Он не уважал владычку, а беспризорника не жалел* (549); После расстрела Василия Петровича он шёпотом говорит сам себе: *Покормили и прибили потом. Лучше бы уж тогда мне его баланду отдали* (550).

Центральный эпизод романа – своеобразная литургия на Секирной горе. Секирка – аналог Голгофы, где представлена модель человечества. Голгофа делит людей на тех, кто с Христом, и тех, кто против. Ужасающие страдания в церкви Секирной горы высвечивают глубины человеческого духа. Здесь каждый принимает своё главное решение. Секирка – это предельный опыт на проверку человечности. Превращённая в лагерь атеистами-богоборцами, обитель, вопреки воле её новых хозяев, всё-таки

выполнила своё предназначение, раскрыв духовное самоопределение героев. Артём отвергает Христа, а лагерники-«мытари» приходят к Нему в поисках прощения.

Антропологический аспект концепта «обитель» наглядно предстаёт в видении сумеречного сознания Артёма: *Его несло по грязной, полной гадов воде на его деревянных нарах (554)*. Архаизм *гады* отсылает к библейскому тексту: «Сие море великое и пространное: тамо гади их же несть числа» (Пс. 103:25). По духовно-анагогическому³ толкованию речь в этом стихе идёт о наполненном страстями человеческом сердце. Лексическая переключка с церковнославянским языком псалма поддерживается образным противопоставлением нарах и церкви: *Лагерники один за другим сошли со своих утлых досок, стали на колени посреди церкви (559)*. Эпитетом *утлые* доски нарах имплицитно сравниваются с лодкой, которую покидают утопающие во грехах люди, переходя на церковный Ковчег спасения. Видение Артёма пророчески сбывается перед общей исповедью, когда он чувствует себя полным *мёртвых, звонких, обнажённых рыб (558)*. Во время исповеди он издевательски, *с бесноватой радостью* отзывается на каждый грех, *не ведая и не желая раскаяния в них (561)*. Отречением от Бога Артём подписывает себе смертный приговор.

Секирка – это и Фавор. Для тех, кто вспомнил о Христе. Отец Зиновий, вдруг преобразившийся из жалкого побирушки в дерзновенного и бесстрашного пастыря Христова⁴, взывает к раскаявшейся пастве: *Мы с вами на вершине Секирной горе, и свет наш будет виден с другого конца земли (558)*. Артём, в отличие от остальных узников, переживает антипреображение, а по сути, антропологическую революцию: его душа становится телом: *Щекотка внутри Артёма становилась всё страшней и назойливей: всё тело хохотало (558)*. О развратившемся людском роде Господь говорит: «...не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками; потому что они плоть» (Быт. 6:3). С потерей чувствительности

души к действию Святого Духа Артём из образа Божия превращается в подобие человека – в бездушную оболочку плоти.

Казалось бы, человеческое обнаруживается в нём, когда он ценой своей жизни пытается спасти Захара. (Жертва Артёма на метафизическом уровне, безусловно, была бы принята, несмотря на то, что расстрел каждого двадцатого заключённого оказался душераздирающим спектаклем). Однако поступок Артёма только внешне выглядит иллюстрацией евангельских слов: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13). На самом деле здесь не подвиг любви, а равнодушие душевной потерянности и отчаяния. Это самоубийство. И сам автор как бы теряет интерес к своему герою. Как-то нарочито вскользь упоминает З. Прилепин о его смерти. Артёма зарезали блатные. На берегу лесного озера трагически заканчивается жизнь не выдержавшего испытаний и сделавшего ложный выбор молодого человека.

Ни одна философия, ни один социальный проект с претензией на создание нового человека не могут исцелить сердца, которое подвластно только самому человеку и Богу. Духовная конституция в художественной трактовке З. Прилепина обнаруживает два качества. Во-первых, духовный диапазон человека огромен и простирается от богочеловека до демона. Во-вторых, духовная пластичность человека слишком подвижна, чтобы в экстремальных условиях он мог позволить себе быть «просто человеком». Оказывается, этого не получается.

В образе Артёма З. Прилепин ставил задачу написать архетип русского человека, удивительным образом совмещающего в себе высоту духа и глубину падения. Получилась художественная модель падшей человеческой природы, одним из наиболее репрезентативных примеров которой как раз и является предельно поляризованный в духовно-нравственной сфере русский человек.

Примечания

1. Все цитаты из романа приводятся по изданию Прилепин З. Обитель: роман / Захар Прилепин. – Москва : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. 746 с. В скобках указаны цитируемые страницы.

2. Выразителем подобного взгляда был М. Горький, писавший после посещения Соловков в 1929 г.: «“Соловецкий лагерь” следует рассматривать как подготовительную школу для поступления в такой вуз, каким является трудовая коммуна в Болшеве...» [2].

3. Анаagogическое толкование Священного Писания – аллегорическое толкование, выводящее из библейского текста его духовный, символический смысл.

4. В ходе повествования выясняется, что отец Зиновий юродствовал.

Список литературы:

1. *Зусман В.Г.* Диалог и концепт в литературе: Лит. и музыка. – Н. Новгород: ДЕКОМ, 2001. – 167 с.

2. *Горький М.* Соловки // Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.solovki.ca/writers_023/maxim_gorky_solovki_02.php.

Публикация:

Павлов С.Г. «Обитель» как антропологический концепт в одноимённом романе З. Прилепина // Нижегородский текст русской словесности: сборник статей по материалам V международной научной конференции / отв. ред. В.Т. Захарова – Н. Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2017. С. 272-278.